

Интернет-журнал «Мир науки» ISSN 2309-4265 <http://mir-nauki.com/>

Выпуск 1 - 2015 январь – март <http://mir-nauki.com/issue-1-2015.html>

URL статьи: <http://mir-nauki.com/PDF/09FILMN115.pdf>

УДК 82

Хуако Фатимет Нальбиевна

ФГБОУ ВПО «Майкопский государственный технологический университет»

Майкоп, Россия

Профессор кафедры сервиса, туризма и связей с общественностью

Доктор филологических наук

E-mail: fatimah2@mail.ru

Настойчивость советского образа «хозяин» в современной публицистике Б.Сарнова

Аннотация. В статье рассматривается присутствие и активное функционирование в публицистике Бенедикта Сарнова образа «Хозяин», олицетворяемого Сталиным. Прослеживаются развития сюжета, в которых советская власть распоряжается в творческом сообществе и беспалляционно решает судьбы советских писателей

Ключевые слова: Сарнов; Сталин; режим; писатель; гонения; Фадеев; Бабель; Стах; Эйзенштейн; Чуковский; публикация; съезд; религия.

Ссылка для цитирования этой статьи:

Хуако Ф.Н. Настойчивость советского образа «хозяин» в современной публицистике Б.Сарнова // Интернет-журнал «Мир науки» 2015 №1 <http://mir-nauki.com/PDF/09FILMN115.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Российскую науку постигла невыразимая трата: ушел Бенедикт Михайлович Сарнов, смелый критик и литературовед, творивший еще в прошлом веке, в редакциях советских газет и журналов. Он остался верен своим творческим принципам и в постсоветскую эпоху, примером может послужить произведение, опубликованное в 2011 году - «Империя зла» о судьбах отечественных писателей. Уход публициста и недавняя публикация самостоятельного исследования, новый и объективный современный взгляд на бытовавшие тогда культуры, – это целый комплекс мотивов, подвигающих нас на обращение к творчеству мастера.

Захватывающий уже на первой странице поле зрения читателя образ Хозяина, активного, настойчивого и неуклонного, оказывается непременным атрибутом всего повествования, вплоть до последних страниц книги Бенедикта Сарнова. Вот, к примеру, слова автора из другой его книги (четвертый том книги Б.Сарнова «Сталин и писатели»): «Сталинский режим держался на двух китах – энтузиазме и страхе. Причём, если энтузиазм в первые годы революции был в какой-то мере искренним, то впоследствии этот энтузиазм стал сублимацией страха. И речь шла о жизни и смерти» (2; С. 45). В первой главе «Империи зла» посредством многозначного заголовка («А Хозяин Вами интересуется...»), сопровождаемого многоточием, автору удается передать ощущение, возникающее у рядового советского гражданина, узнающего о внимании судьбо-творящих властных структур к своей скромной персоне. Используемый здесь синтаксис (многоточие) и распознаваемая анонимность (в СССР «Хозяин» – глава партийного руководства, в первой половине прошлого века – И.Сталин) нагнетают неизбежное тревожное ощущение, даже некую обреченность, охватывающую преследуемых персонажей и передающуюся читателю, неуклонно понимающего героев в их панике перед Хозяином. К примеру, уже в зачине автором используется эпизод, основанный на факте из письма украинской писательницы Татьяны Стах, проведенной вечер у Исаака Бабеля. Последнему в присутствии гостей позвонил А.Фадеев, спрашивающий (от имени Хозяина), нет ли у И.Бабеля каких-либо пожеланий, творческих задумок, ждущих реализации или других желаемых планов (поездки, командировки и т.д.). Автор письма, цитируя И.Бабеля, фиксирует и при этом констатирует его панику: не мог рядовой гражданин тогда остаться спокойным, узнав о внимании к себе со стороны Хозяина. Уже здесь, подытоживая письмо Т.Стах, Б.Сарнов делает вывод о том, что подобная стратегия мнимого повышенного внимания была присуща И.Сталину в его преследованиях, доказывая тезис на приводимых далее фактах гонений Н.Бухарина, а потом возвращаясь к действительно арестантской судьбе И.Бабеля.

Причем образ Хозяина неизменно и на протяжении всего изложения остается у автора в такой же форме – анонимным, но понятным, почтительно пишущимся с большой буквы. Так, уже вскоре, раскрывая неизвестные ранее подробности организации съемок и последующего уничтожения фильма С.Эйзенштейна «Бежин луг», Б.Сарнов уверенно утверждает данный факт «беспрецедентного по своей суровости распоряжения уничтожить, *смыть* фильм» как инициативу Хозяина. Либо далее, уже в другой (третьей) главе, в ситуации с допущением к печати определенной статьи М.Бубеннова, автор припоминает и комментирует многочисленные, имевшие место реплики и комментарии тогдашних активистов (Л.Каганович, Г.Бакланов, И.Эренбург и др.).

Однако и здесь Хозяин играет судьбоносную роль: предполагая в своих репликах возможное развитие событий, рассказчик соотносит свои мысленные вопросы с Хозяином и строит версии на его возможных распоряжениях. А в деле с обсуждаемой ими статьей Бубеннова, произведшей на повествователя крайне негативное впечатление («жуть»), непреложным аргументом в пользу публикации оказывается выяснение того, что сам Хозяин приказал печатать. На этом обсуждение заканчивается: «Больше мы не произнесли ни слова. Да и не нужны тут были никакие слова, и без слов все было ясно» (1; С. 155). Здесь Б.Сарнов порой использует религиозные параллели, проводя их напрямую с «богоподобным»

властителем. Особо опекаемый Хозяином «подвиг Павлика Морозова» фактически играл роль «краеугольного камня новой религии», был образцом идейного символизма, действующим базисом внедряемой идеологии, основанной на божеских аксиомах. Приобщавшийся в духовной семинарии к христианским заповедям типа «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...» (Мф. 10:34-39). Продолжая приведенную цитату Б.Сарнов делает весьма смелый обобщающий вывод о том, что это «единственная христианская заповедь, над которой Сталин не надругался, которую даже решил сохранить и использовать в своих целях – разумеется, отнеся все эти «Я» и «Меня» евангельского текста не к Христу, а – к себе» (1; С. 26).

Столь же активен Хозяин в своем свершении судеб и в другом эпизоде текущей главы: XIX съезд ЦК, состав действующего Политбюро (11 чел.) обновляется до 25 чел., то есть, как иронично поясняет Б.Сарнов, прежние вожди оказались словно на одном уровне («уравнены») с последними, обществу практически неизвестными. И делает автор здесь же косвенный вывод, очерчивающий логику Хозяина и придающий ей оценочную тональность: «Сделано это было Хозяином, конечно, с далеко идущей целью: пришла пора менять соратников (А уж какими способами он привык их менять, мы знаем)» (1; С. 179). Причем, упоминая о том, что первыми объектами резких высказываний Хозяина на этом съезде оказались Молотов и Микоян, автор, анализируя обнаруженные тогда документы, невольно помогает читателю увидеть в И.Сталине нечаянного провидца сегодняшних украино-российских Крымо-разделительных событий. Вот, к примеру, фрагмент из обвинительной в адрес Молотова речи И.Сталина: «Чего стоит предложение Молотова передать Крым евреям? Это грубая политическая ошибка товарища Молотова... На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым...» (1; С. 180). Узнаваемо, не правда ли? Следовательно, думает читатель, Крым являет собой вечную «болеву точку», (т.е. «фишку») наших властителей. Б.Сарнов изображает многообразие стратегических ходов по выстраиванию словотворцев. Каждый поворот сюжета сопровождается иллюстрационным пакетом документальных текстов, включающих материалы (докладные записки, письма, доносы, протоколы), долгое время находившиеся вне поля зрения отечественных ученых.

Анализируя происходившее в довоенной советской писательской среде, Б.Сарнов излагает собственную вариацию популярной в стране версии о неких «лучах», нацеленных на превращение человека в «зомби». Соглашаясь с наличием таких, преобразующих личность, лучей автор приводит фрагмент из «Дневника» К.Чуковского с описанием момента на съезде ВЛКСМ в 1936 г. К.Чуковский и Б.Пастернак наблюдают за тем, как публика встречает появление И.Сталина. Здесь вспоминаются знакомые нам по отечественной литературе агитационные девизы, выстраивавшие и организующие производственные будни трудящегося советского населения, типа «Зерно – Сталину, полу – Гитлеру!». Используя применительно к Хозяину местоимения, написанные лишь в заглавной форме («ОН»), автор «Дневника» активно передает атмосферу всеобщего благолепия, массового почитания и даже повального обожания. В момент его появления в зале: «Что тут случилось с залом!», однако «ОН» спокоен, утомлен и величав. На лицах публики при этом – нежность, одухотворение и влюбленность: «Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем» (1; С. 340). И далее здесь Б.Сарнов обстоятельно рассматривает и выдвигает свои смелые предположения сопровождавшей автора «Дневника» К.Чуковского мотивации, подвигшей последнего на создание излияний режиму. Полемизируя с гипотезой о возможной «фальшивости» издания современный публицист (знакомый с текстом «Дневника») утверждает искренность и экспрессивность данных записей, уверенно делая аксиомой своих размышлений такой тезис: «Корней Иванович Чуковский свой «Дневник» вел не «для них», а для себя» (1; С. 343).

Одновременно с образом Хозяина в книге Б.Сарнова прослеживается готовность следовать за вождем, обязательно присутствовавшая в период сталинизма. К примеру, рассказывая о том, насколько недоволен был владыка фильмом Эйзенштейна «Иван Грозный», автор выделяет загруженность арт-персонажа – царя – излишними экспрессивными сомнениями и волнениями. Именно это смутило И.Сталина, обвинившего героя фильма в нерешительности. Как раз данное обвинение получило продолжение в публичных репликах сталинских подвижников, что находит отражение в приводимых Б.Сарновым фрагментах бесед А.Жданова и В.Молотова. Подобные течения судеб подвигают автора к раздумьям о том, может ли любовь быть сублимацией страха, но, однако, не мешает ему сделать вывод о неизбежности в этом случае именно «зомбированного сознания», лучи коего, мол, имелись в распоряжении силовых структур. Фактически в книге воспроизводится тот хроникальный период, в течение которого уверенно и обязательно массовое сознание возносилось над индивидуальным, а все отклонения от такого расклада считались страшными преступлениями, изменами Родине и своему народу. Многочисленные, активные и жизнерадостные персонажи нередко избирали в своей судьбе путь предпочтения спущенных свыше установок, соблюдая правило «сын за отца не отвечает» и, следуя ему, иногда не задумываясь, а иногда глубоко страдая, разрушали родовые приоритеты, прерывая семейные ценности во имя наступающего соцреализма.

И, уже в почине, активный в то время А.Фадеев привлекается Б.Сарновым к изложению в свете авторских размышлений о мотивации, побудившей известного советского писателя застрелиться. Вдумываясь в детали экспрессии собственных, рисуемых им героев и, временами, – в присущие всему народу эмоциональные подробности, писатель многогранно создает глубокую и доскональную картину. Говоря о предьявлении мучающимся коллегой претензий «ЕМУ, главному виновнику всех совершавшихся им подлостей и преступлений», Б.Сарнов рисует эпизод с лежащим на кровати после самоубийства, но уже умирающим А.Фадеевым, поставившим рядом с собой, истекающим кровью, портрет И.Сталина. Выдвигая различные варианты трактовки такого, демонстрируемого уходящим товарищем, жеста, Б.Сарнов позволяет себе уйти от вопроса мотивации и обратиться к вопросу результата: «Ведь важно не то, что он ХОТЕЛ сказать, а – ЧТО СКАЗАЛОСЬ. Сказалось же, что разорвать свою связь со И.Сталиным он так и не смог». И здесь же – красивые итоговые метафоры: «Хотел, может быть, сказать: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко...». Но этот Владыка – не то что Тот. Как в жизни не отпускал, так и в смерти. Держит. Не отпускает» (1; С. 475). Это и есть почин книги современного публициста Бенедикта Сарнова, погружающего нас, боящихся, но любопытных в ту жестокую атмосферу, взрастившую и выходявшую почитаемых нами прадедов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарнов, Б. Империя зла: Судьбы писателей [Текст] / Б.Сарнов. – М.: Новая газета, 2011. – 480 с.
2. Сарнов, Б. Сталин и писатели: Книга 4 [Текст] / Б.Сарнов. – М.: Экмо, 2011.
3. Уздина, М. Сарнов Бенедикт [Электронный ресурс] / М.Уздина // <http://www.proza.ru/2012/03/01/1625>

Khuako Fatimet Nal'bievna
Maykop State Technological University
Russia, Maykop
E-mail: fatimah2@mail.ru

Persistence soviet way of «owner» in the modern publicism by B.Sarnov

Abstract. The article discusses the presence and active functioning in journalism Benedict Sarnov image "boss", symbolizing Stalin. Traces the development of the plot, in which the Soviet government manages the creative community and categorically decide the fate of Soviet Writers

Keywords: Sarnov; Stalin; regime; writer; persecution; Fadeev; Babel; Stakh; Eisenshtein; Chukovskij; publication; congress; religion.

REFERENCES

1. Sarnov, B. Imperiya zla: Sud'by pisateley [Tekst] / B.Sarnov. – M.: Novaya gazeta, 2011. – 480 s.
2. Sarnov, B. Stalin i pisateli: Kniga 4 [Tekst] / B.Sarnov. – M.: Ekmo, 2011.
3. Uzdina, M. Sarnov Benedikt [Elektronnyy resurs] / M.Uzdina // <http://www.proza.ru/2012/03/01/1625>